

Евгений Петрович ЗАГВАЗДИН¹

УДК 2-557+314.02

**«ПОХОРОНИТЕ МЕНЯ В ОГРАДЕ»:
ОТРАЖЕНИЕ ЭКСТРАОРДИНАРНОЙ
ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В МАТЕРИАЛАХ
ТОБОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ***

¹ младший научный сотрудник,
Тобольская комплексная научная станция
УрО РАН
kulay_arx@mail.ru

Аннотация

В публикации с привлечением архивного дела Тобольской духовной консистории от 1913 г. рассматривается вопрос организации экстраординарных захоронений на территории поселений. Изученный материал ценен в первую очередь тем, что вскрывает механизм принятия решений о похоронах на закрытых кладбищах.

Несомненная ценность этих данных в том, что исследований, касающихся разбора данной темы в контексте погребального законодательства Российской империи, не известно. В работах затрагивались лишь вопросы организации кладбищ за городской чертой после 24 декабря 1771 г. Однако имеется слабое представление о порядке совершения захоронений на закрытых приходских кладбищах. Мотивы же просителей, желающих быть похороненными на таких кладбищах, вообще остаются в области догадок.

Дело рассмотрено в нескольких аспектах. Во-первых, выяснен юридический характер дела с позиции генезиса законодательства второй половины XVII — XIX в., касающегося санитарно-эпидемиологического порядка при погребении усопших. Во-вторых,

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2015-0003 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н. э. — II тыс. н. э.)».

Цитирование: Загваздин Е. П. «Похороните меня в ограде»: отражение экстраординарной погребальной практики в материалах Тобольской духовной консистории / Е. П. Загваздин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 4. С. 150-162.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-150-162

изучен социальный, половой состав, а также география просителей, их мотивы. В-третьих, проанализирован механизм принятия решений по таким исключительным делам. Выяснено, что, несмотря на указ Сената от 1771 г., запрещающий хоронить на погостах в жилой зоне и регламентирующий перенос кладбищ, отдельные рецидивы старинной традиции остались. Послабления в организации захоронений отразились и в законодательстве, к примеру, в указе Священного синода от 1833 г. и ряде других. Законодательно в исключительных случаях разрешалось погребать покойных при церквях, в жилой зоне. Однако все действия духовенства по совершению погребений, особенно в исключительных случаях, регламентировались и контролировались.

Ключевые слова

Кладбище, погребальный обряд, Сенат, Святейший синод, Тобольская духовная консистория, законодательство.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-150-162

Введение

В изучении православного погребального обряда России особую позицию занимает вопрос о местах захоронений. С принятием христианства на Руси кладбища массово возникали при монастырях, городских и сельских церквях.

Высокая смертность и плотная застройка не давали возможности кладбищам расти вширь. Перегруженность погостов, особенно во время эпидемий, не способствовала и санитарному благополучию. В процессе длительной трансформации представлений о месте кладбищ в структуре городской застройки в конечном итоге выиграла позиция, обосновывающая вынос кладбищ из жилой зоны городов. Современный облик городских кладбищ возник именно на фоне этих тенденций. Однако параллельно с этим существовали и другие представления о традиционных, сакральных местах погребений на территориях церквей, но в городской черте, сосуществовавшие с прогрессивной практикой похорон. В данной статье в контексте генезиса законодательства XVII-XIX вв., касающегося похоронного дела, разбирается именно такой случай. Это дело Тобольской духовной консистории 1913 г. о прошениях прихожан похоронить их в оградах церквей.

Основная часть

Одна из первых государственных законодательных инициатив по регулированию мест погребения относится к 1657 г. «Уложением о градском строительстве» запрещалось хоронить мертвых у храмов на территории Кремля. Причиной для такого решения стала крупная эпидемия чумы 1654-1657 гг., свирепствовавшая не только в Москве. Она захватила обширный регион, включая такие крупные города: Казань, Смоленск, Тула, Нижний Новгород, Астрахань [2, с. 53, 55-62].

Уложением предписывалось новые кладбища устраивать на специально отведенных местах. О том, что эти специальные места относятся именно к клад-

бищам, существовавшим в городской черте, при церквях, косвенно свидетельствует и то, что в законодательстве нет упоминаний о таком специфическом типе кладбищ, как «божьи дома», «скудельницы». Причину отсутствия сведений о них в законодательстве следует искать в том, что скудельницы представляли собой санитарные захоронения и первоначально служили для погребения массово умиравших от болезней или голода. Такие кладбища коллективно устраивали на окраине города или за его чертой. В XVI в. они стали местом последнего упокоения неимущих [3, с. 117-119]. Несмотря на то, что законодательство не упоминает об этом типе кладбищ, о нем достаточно сведений в других источниках, в том числе и в летописях [3].

В указе царя Фёдора Алексеевича от 7 апреля 1682 г. «О межевом отводе пустых кладбищ в дачах помещиков и вотчинников» упоминается о двух местах расположения кладбищ: те, которые находились в городах, селах и деревнях, и те, что располагались на пустошах. Документ интересен тем, что предписывает превентивную защиту кладбищ — огораживание. При этом в населенных пунктах обязательно должно устраиваться ограждение погоста, а на пустошах кладбища указывалось не огораживать [5, с. 592].

Таким образом, со второй половины XVII в., в том числе и под давлением эпидемиологических факторов, прилагаются усилия по организации погребального пространства в поселениях в централизованном порядке. Дальнейшие законодательные действия показывают, что эти меры носили поверхностный характер и коренного изменения в устройстве и функционировании кладбищ все-таки не произошло.

Следующая попытка ограничить рост захоронений в зоне жилой застройки относится ко времени Петра I. По его указу от 10 октября 1723 г., в связи с переполнением кладбищ при церквях и монастырях, был внесен запрет на погребение внутри городов всех лиц, кроме знатных персон. Остальных умерших предписывалось хоронить в монастырях и при приходских церквях за чертой города. Однако должного контроля над соблюдением закона организовано не было. После смерти Петра I «вековой обычай похоронять покойников при церквях приходских остался без изменения» — его запрет на погребение рядом с церквями в черте города перестал соблюдаться [8, с. 1-2; 9].

С 20-х и до начала 70-х гг. XVIII в. законодательство, касающееся содержания и благоустройства кладбищ, развивается вялотекущими темпами и носит выборочный характер. Так, при Елизавете Петровне следует ряд указов о запрете хоронить в Москве, при церквях на пути от Успенского собора до ее дворца на Яузе. Учрежденный комитет выделил для прихожан закрытых приходских кладбищ новое место для захоронений. Так было основано Лазаревское кладбище. В других же местах Москвы кладбища оставались по-прежнему при приходских церквях [8, с. 3]. Ее же указом в Санкт-Петербурге предписывалось засыпать землей старые Калининское и Вознесенское кладбища. Указами предписывалось и устройство в столице новых кладбищ, которые разбивались в городской черте.

Важным хронологическим маркером, который определил дальнейший вектор развития погребального пространства, стал 1771 год. Причиной появления данного указа послужила эпидемия чумы, свирепствовавшая в Москве с 1770 по 1772 г. Сложная санитарно-эпидемиологическая ситуация в городе, следовавший за этим Чумной бунт повлекли за собой череду правительственных постановлений, регулирующих порядок захоронений. Уже указом от 24 декабря 1771 г. Сенат постановил запретить погребение умерших «в городах при церквях, а об отводе для того особых кладбищ за городом на выгонных землях, где способнее...». От губернаторов и воевод требовалось согласовать с местными Духовными командами вопросы, касающиеся землеотвода и строительства новых церквей [6, с. 409]. Наиболее ценен в указе прописанный механизм его исполнения.

Во исполнение сенатского указа от 24 декабря 1771 г. выходят сопутствующие постановления. Они конкретизировали вопросы реализации более раннего указа. При этом брались в расчет предложения от органов исполнительной власти на местах, и на их основе разрабатывались законодательные решения. К таким ярким примерам относится указ от 19 мая 1772 г., в котором уточняется расстояние выноса кладбища за городскую черту. Предписано, чтобы кладбища были «разстоянием от последнего городского жила покрайней мере не ближе 100 сажен, а если место дозволит, то хотя бы и за 500 сажен...». Кладбища также предписывалось обносить земляным валом не выше двух аршин, «дабы чрез то такая места воздухом скорее очищались, а для удержания скотины, чтобы она не могла заходить на кладбище, лучше можно поделывать около вала по глубже и по шире рвы...» [6, с. 500].

Контроль по исполнению указа возложили на Святейший синод, а не на духовные команды, как ранее. От Синода требовали, чтобы духовные правления были уведомлены о том, «чтобы усопшие, кроме тех кладбищ, кои на вышеописанном разстоянии от жила отведены будут, в других местах отнюдь похоронены не были». В последующем эта мера будет часто фигурировать в законодательных актах.

Реализация указа 1771 г. в целом по стране прошла сравнительно быстро. В течение десятилетия прежние приходские кладбища были закрыты и открыты новые, за городской чертой [1]. Перестают ли хоронить после указа на старых приходских кладбищах? Указы 1770-х однозначно показывают, что данные действия противозаконны. Для полного ответа на этот вопрос необходимо взглянуть на меры по недопущению подобных действий в динамике.

О запрете погребений на месте старых приходских погостов свидетельствует мера по ужесточению наказания. Так, судебный прецедент от 9 октября 1772 г. стал основой для указа Синода от 24 декабря 1772 г. под наименованием «Об оштрафовании священников за погребение умерших при церквях». В ходе разбирательства надворный советник Кошкин выяснил, что священник Леонтьев тайно похоронил на шестые сутки тело умершей купеческой жены Анны Перухиной на погосте приходской церкви Бежецка. Постановлением Священного

синода провинившегося сначала заключили на год в монастырь, а затем перевели служить в церковь небольшого прихода. Приведенный в указе прецедент должен был остановить священнослужителей от подобных необдуманных проступков в будущем. Тем не менее в решении указа предписывалась более мягкая мера: ослушавшихся священнослужителей следовало штрафовать [6, с. 696-697]. В статье от 15 августа 1845 г. подтверждены нормы наказания для ослушавшегося священника. Похоронившего мертвое тело в городе при церкви, а не на отведенном для этого кладбище, ждало исправительное наказание по решению своего духовного начальства [10, с. 84]. В статье от 20 ноября 1864 г. за погребение тел в неположенных местах виновное лицо подвергалось аресту на срок не более 15 дней или штрафу не более 50 рублей [13, с. 64].

Кроме ужесточения наказания, контроль за порядком совершения захоронений возложили и на полицию. Наказ от 3 июня 1837 г. предписывал земской полиции следить за порядком совершения погребений. Полиция контролировала, чтобы внезапно умерший человек не был похоронен без осмотра приставом или временным отделением земского суда. Срок погребения должен был составлять не менее трех дней. Гробы с умершими должны были быть «зарываемы в землю сколь можно глубже и могилы засыпаемы наравне с поверхностью земли» [7, с. 515]. Эти меры сыграли определенную роль, но полностью искоренить традицию погребения при приходских церквях все-таки не удалось. При этом послабления были оформлены на законодательном уровне. Указ Святейшего синода от 12 апреля 1833 г. гласил: «...при церквях, находящихся в селениях, но не в самых церквях позволять погребать тела местных протоиереев и священников, честно и безпорочно проходивших свое служение и христиански скончавшихся. Что ж касается прочих лиц, погребение оных при церквях в селениях допускать сколько можно реже и не иначе, как по особенному разрешению епархиального архиерея и по самым уважительным причинам, как то: в благодарность создавшему храм своим иждивением, или обезпечившему содержание причта и при том имевшему житие благозаконное и кончину не постыдную» [4].

Юридически данное исключение было оформлено и в Уставе медицинской полиции. В статье 925 Устава разрешалось погребение умерших в оградах монастырей, находящихся даже в городах, если медицинский совет не встретил в санитарном отношении препятствия погребению [4, с. 252].

Таким образом, указ от 1833 г. показывает, что при выборе места погребения исключения все-таки существовали и были оформлены юридически. Однако от нас ускользает ряд моментов технического характера, проясняющих, как на практике реализовывались нормативные акты, касающиеся погребения умерших в жилой черте. К сожалению, данные сведения до недавнего времени были не известны.

Достаточно интересное дело по этому вопросу находится в фондах Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области. Оно относится к ведомству Тобольской духовной консистории и связано с прошениями о по-

гребении в оградах церквей и монастырей [11]. Всего в деле 19 документов, охватывающих период с 1912 по 1913 г. Несмотря на достаточно скудный массив информации, все данные были максимально проанализированы. Неполнота сведений вызвана тем, что более половины обращений в канцелярию представлены в виде телеграмм — 11 (57,9%).

В географии прошений выделяются два района. Это северный район, в который входят Обдорск и с. Мужы, и южный, более обширный, с центром в Тобольске (рис. 1). В ряде случаев из-за краткости сообщения затруднительно выяснить место проживания просителя. Там же, где эта информация прослеживается, выясняется, что захоронения происходили в территориальных границах приходов. Дать полную характеристику социальному составу просителей затруднительно по той же причине (рис. 2). Преобладают в запросах священнослужители, далее крестьянство и купечество. Однако доля последнего невелика. Половой состав просителей следующий: мужчин 13 (68,4%), женщин 6 (31,6%). Из этого числа следует отметить, что отказ в погребении последовал лишь в отношении одной женщины.

Интересно очертить круг причин, отраженных в архивных документах, и сопоставить их с юридическими основаниями. По материалам, преобладают три группы причин (рис. 3): заблаговременное ожидание смерти/смерть, мценатство, христианское житие. Несомненно, что в последнюю группу причин аргумент включалось сословие священнослужителей. Апелляция на благозаконное житие во Христе чаще всего фиксируется у остальных сословных групп как важное дополнение.

Немаловажно отметить, что в определении Святейшего синода от 25.08–22.09.1882 г. предварительное согласование погребения священнослужителя в ограде церкви по ряду технических причин крайне неудобно. Тем не менее отказ погребать при приходских церквях умерших протоиереев и священников «...противно издавна утвердившемуся обычаю, нарушение которого может повести к оскорблению чувств православной паствы» [4, с. 253–254].

Порядок рассмотрения ходатайств о захоронении в ограде церкви разбирался двумя путями. В первом случае это были экстренные запросы, когда просители уже умерли или находились на пороге смерти. В основном эти запросы приходили по телеграфу и были краткими. Тем не менее, в большинстве из них присутствовало имя священнослужителя, являвшегося своего рода поверенным по этому делу. Согласования по таким срочным запросам проходили также в сжатые сроки с визированием решения.

Во втором случае консистория рассматривала дела лиц, которые желали в непродолжительном будущем быть похороненными в ограде церкви. Такие запросы рассматривались более тщательно. Несмотря на то, что таких дел меньшинство, они наиболее информативны в плане анализа механизма принятия решений по таким экстраординарным делам.

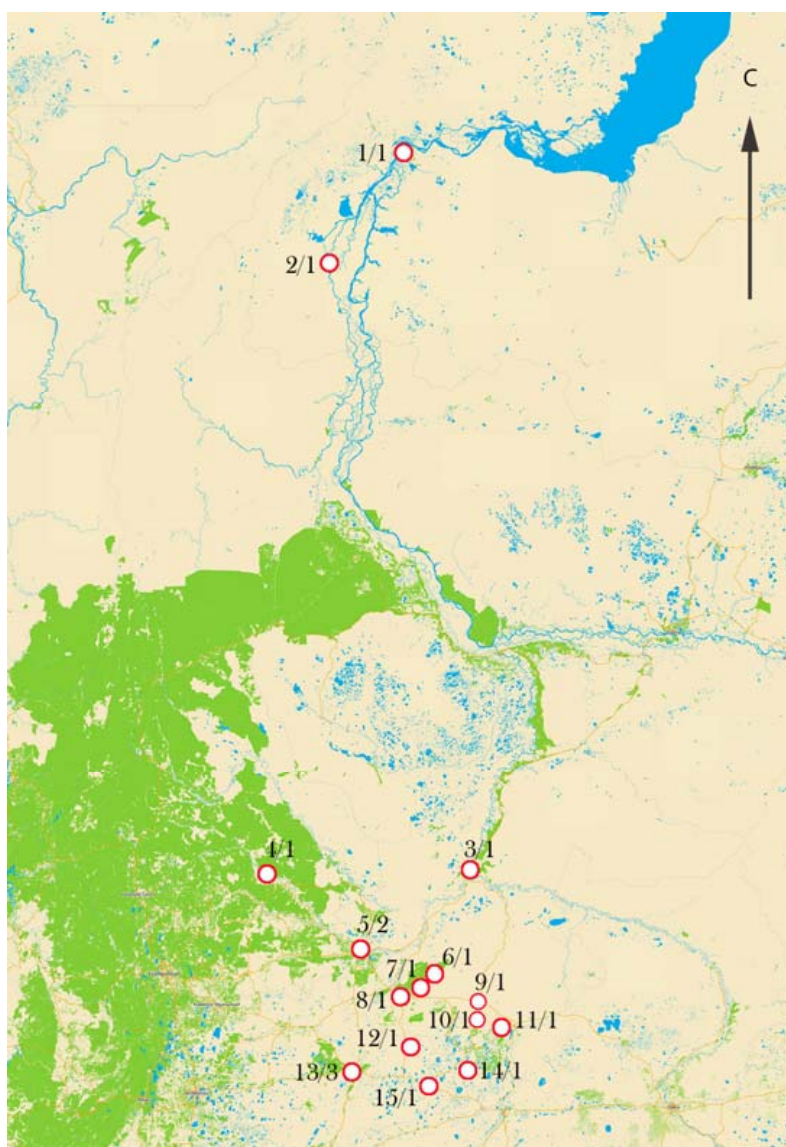

Рис. 1. География запросов в Тобольскую духовную консисторию. В числителе — код населенного пункта, в знаменателе — количество запросов (1 — Обдорск, 2 — Мужи, 3 — Тобольск, 4 — Ленское, 5 — Тюмень, 6 — Юргинское, 7 — Боровинское, 8 — Заводоуковск, 9 — Медведево, 10 — Земляновское, 11 — Мизоновское, 12 — Мокроусово, 13 — Курган, 14 — Карась, 15 — Макушино)

Fig. 1. Geography of inquiries to the Tobolsk spiritual consistory; the numerator — the code of the settlement, the denominator — the number of requests (1 — Obdorsk, 2 — Muzhi, 3 — Tobolsk, 4 — Lenskoye, 5 — Tyumen, 6 — Yurginskoye, 7 — Borovinskoye, 8 — Zavodoukovsk, 9 — Medvedevo, 10 — Zemlyanovskoye, 11 — Mizonovskoye, 12 — Mokrousovo, 13 — Kurgan, 14 — Karasie, 15 — Makushino)

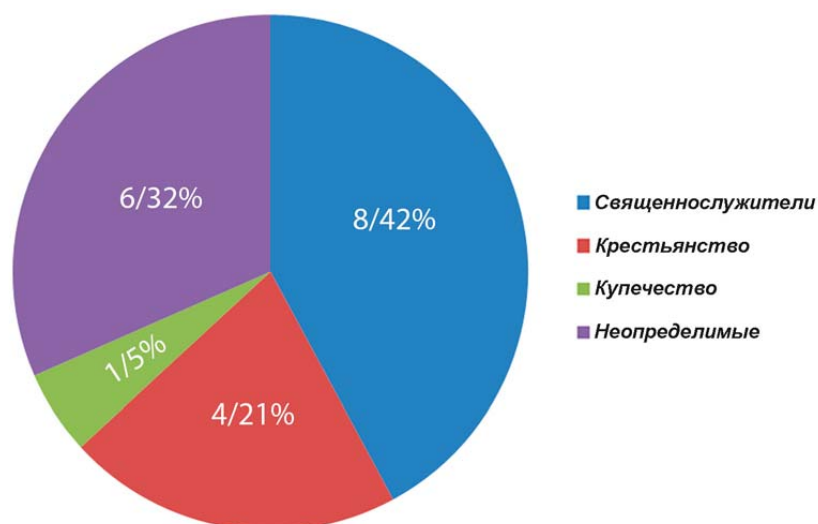

Рис. 2. График социального состава просителей

Fig. 2. Diagram of the petitioners' social composition

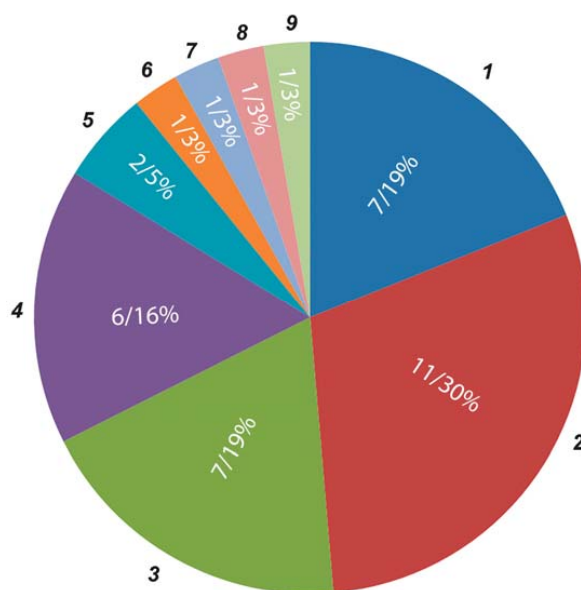

Рис. 3. График причин обращений просителей (1 — факт смерти/близкая смерть; 2 — будущая смерть; 3 — благотворительство; 4 — праведная жизнь; 5 — завещание; 6 — перенос праха на другое кладбище; 7 — похороны на закрытом кладбище; 8 — заслуги супруга, 9 — личная просьба)

Fig. 3. Diagram of the reasons for the petitioners' appeals (1 — the fact of death/close death, 2 — future death, 3 — charity, 4 — righteous life, 5 — testament, 6 — transfer of ashes to another cemetery, 7 — funeral in a closed cemetery, 8 — a spouse's merit, 9 — personal request)

Одним из примечательных примеров является случай с крестьянской вдовой Ириной Терентьевной Артеевой. Она подала заявление на имя священника Мартиниана Мартемьянова, служителя церкви Михаила Архангела с. Мужи о том, что после смерти просит похоронить ее тело в ограде упомянутой церкви. За это она завещает выделить из ее капитала или имущества 400 рублей, которые будут распределены следующим образом: в пользу церкви Михаила Архангела — 100 рублей; 100 рублей — причту церкви на вклад, с которого ему будут идти проценты; 100 рублей в пользу устройства в с. Мужи и Кушеват Серафимовской походной церкви. Оставшиеся 100 рублей — на содержание ремесленной школы для инородческих детей в с. Мужи.

Следующий этап рассмотрения дела — подача рапорта с заявлением вдовы Артеевой благочинному березовских церквей Петру Дубасову. В рапорте священник Мартемьянов отмечал ее материальные заслуги и, несмотря на то что она, «будучи до вдовства своего, как и туземницы ея обыкновенна смертная кочующая оленеводка — зауряднонеграмотная женщина, но однако сочла нужным поломничать по святым местам — редкий случай на севере. Была и в родной России и за пределы ея в св. земле Иерусалим — всюду где было возможно как женщине, кроме св. г. Афона» [12, л. 11, об. 11].

Затем благочинный передал эти материалы в Тобольскую духовную консисторию на окончательное рассмотрение Епископу Тобольскому и Сибирскому Алексею. На заседании консистории рапорт благочинного был рассмотрен, заслушан и, несмотря на лестные отзывы о просителе со стороны священника Мартемьянова, принято отрицательное решение. Несмотря на явное соответствие пунктам Определения и отзыву священника Мартемьянова, при окончательном принятии решения, вероятно, сказалось инородческое происхождение Артеевой. Таким образом, на этом примере достаточно четко прослеживается цепочка действий при принятии решений в таком деликатном деле.

Заключение

Рассмотренные материалы дела показательны в нескольких ракурсах. Во-первых, в контексте генезиса похоронного законодательства (вторая половина XVII — конец XIX в.), они являются составляющей частью этого процесса, его практической стороной. Во-вторых, данные демонстрирует меру устойчивости представлений об особых местах захоронений (территория церкви в жилой зоне). Как можно убедиться, законодательно ряд исключений о похоронах в таких местах существовал, хотя и был оформлен достаточно поздно, в 1833 г. Однако жесткие ограничения о захоронениях в таких местах, контроль со стороны духовных и светских властей говорят о том, что эта практика была достаточно редкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балюнова Е. А. Из истории погребального обряда русского населения / Е. А. Балюнова, И. В. Балюнов // Архивы Урала. 2008. № 12. С. 279-282.

2. Васильев К. Г. История эпидемий в России. Материалы и очерки / К. Г. Васильев, А. Е. Сегал. М.: Медгиз, 1960. 400 с.
3. Козюренко О. В. Скудельницы в Пскове в XV-XVI вв. / О. В. Козюренко // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции (Псков, 20-24 ноября 1995 г.). Часть 3. Памятники церковной археологии России. Серия: Археологические изыскания. Выпуск 26-3. СПб.; Псков, 1995. С. 117-120.
4. Определения Святейшего Синода // Тобольские епархиальные ведомости. 1882. № 22. С. 252-254.
5. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Том II (1676-1688). 977 с.
6. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Том XIX (1770-1774). 1081 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838. Том XII (1837). 822 с.
8. Розанов Н. О московских городских кладбищах / Н. Розанов. М.: Катков и К^о, 1868. 16 с.
9. Сахаров А. В. Организация кладбищ Российской империи в свете официального законодательства второй половины XVII — начала XX века / А. В. Сахаров // Сборники конференций НИЦ Социосфера. Прага: Vedecko vydavatelske centrum SocioSfera — CZ s. r. o., 2011. С. 153-161.
10. Свод законов Российской империи. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. Т. XV. 271 с.
11. Сироткин А. С. Чума в Москве в 1770-1772 гг. и санитарные меры правительства и московских властей / А. С. Сироткин // Вестник РГГУ. 2014. № 7 (139). С. 130-141.
12. ТФ ГАТО. Ф. И. 156. Оп. 18. Д. 1084. Дело по прошениям прихожан священно- и церковнослужителей Тобольской епархии о дозволении погребений в оградах церквей и монастырей (1913 г.).
13. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. 1864 г. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 143 с.

Evgeny P. ZAGVAZDIN¹

**“BURY ME IN THE ENCLOSURE”: REFLECTION
OF THE EXTRAORDINARY GRAVE PRACTICE
IN THE MATERIALS OF THE TOBOLSK SPIRITUAL CONSISTORY***

¹ Junior Researcher, Tobolsk Complex Research Station
of the Ural Branch of the RAS
kulay_arx@mail.ru

Abstract

This article aims at studying the archival files of the Tobolsk spiritual consistory from 1913 and analyzing the issue of extraordinary graves organization in the settlements territory. The studied material is valuable, first of all, as it reveals the mechanism of making decisions about funerals in closed cemeteries.

The indisputable value of these data is that there is no other known research relevant to this topic in the context of the Russian Empire’s burial legislation. The existing works concern only the organization of cemeteries outside the city limits after 24 December 1771. However, there is little understanding of the procedure for burial in closed parish cemeteries within settlements. The motives of petitioners who wish to be buried in such cemeteries remain generally in the field of conjecture.

The author considers several aspects. First, the legal nature of the case has been clarified from the point of genesis of legislation of the second half of the 17th-19th centuries, concerning the sanitary-epidemiological order in the burial of the deceased. Secondly, the social and gender composition, as well as the geography of petitioners, and their motives were studied. Thirdly, the mechanism of decision-making on such exceptional cases is analyzed. The author has revealed that, despite the Senate’s decree of 1771, which forbade burying on the cemeteries in the residential area and regulating the transfer of cemeteries,

* The work was supported the Finance by FASO Russia under the theme of FCR no 0408-2015-0003 “Studying the culture of the population of the northern forest-steppe and southern taiga of Western Siberia (1st millennium BC — II thousand AD)”.

Citation: Zagvazdin E. P. 2017. “Bury Me in the Enclosure’: Reflection of the Extraordinary Grave Practice in the Materials of the Tobolsk Spiritual Consistory”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 4, pp. 150-162.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-150-162

some relapses of the old tradition remained. Flexibilities in the organization of graves were reflected in legislation, for example, in the decree of the Holy Synod of 1833 among others. Legislatively, in exceptional cases, it was permitted to bury the deceased at churches, in a residential area. However, all the actions of the clergy for the burial, especially in exceptional cases, were regulated and controlled.

Keywords

Cemetery, funeral rite, The Senate, The Holy Synod, The Tobolsk spiritual consistory, legislation.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-150-162

REFERENCES

1. Balyunova E. A., Balyunov I.V. 2008. “Iz istorii pogrebal'nogo obrjada russkogo naseleniya” [From the History of the Burial Rite of Russian People]. *Arhivy Urala*, no 12, pp. 279-282.
2. Vasilyev K. G., Segal A.E. 1960. *Istoriya epidemiy v Rossii. Materialy i ocherki* [History of Epidemics in Russia. Materials and Essays]. Moscow: Medgiz.
3. Kozyurenok O. V. 1995. “Skudel'nicy v Pskove v XV-XVI vv.” [Cemeteries of Pskov in 15th-16th Centuries]. *Proceedings of the 1st All-Russian Conference “Tserkovnaya arheologiya”*, pt. 3, vol. 26-3, pp. 117-120. Sankt-Peterburg — Pskov.
4. *Tobol'skie eparhial'nye vedomosti*. 1882. “Opredeleniya Svyateyshago Sinoda” [The decision of the Holy Synod]. *Tobol'skie eparhial'nye vedomosti*, no 22, pp. 252-254.
5. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda*. 1830. [The full code of laws of the Russian Empire], vol. 2 (1676-1688). St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii.
6. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda*. 1830. [The full code of laws of the Russian Empire], vol. 19 (1770-1774). St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii.
7. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda*. 1830. [The full code of laws of the Russian Empire], vol. 12 (1837). St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii.
8. Rozanov N. 1868. *O moskovskikh gorodskikh kladbishhah* [About the Cemeteries within Moscow]. Moscow: Katkov i Ko.
9. Saharov A. V. 2011. *Organizatsiya kladbishh Rossiyskoy imperii v svete oficial'nogo zakonodatel'stva vtoroy poloviny XVII — nachala XX veka*. [Organization of Cemeteries of the Russian Empire in the Official Legislation of the Second Half of the 17th — The Beginning of the 20th Century]. In: *Sborniki konferency NIC Sociosfera*, no 15, pp. 153-161. Praga: Vedecko vydavatel'ske centrum Sociosfera — CZ s.r.o.
10. Deyatel'. 1912. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Legal Code of the Russian Empire], vol. 15. St. Petersburg: Russkoe Knizhnoe Tovarishhestvo “Deyatel’”.
11. Sirotkin A. S. 2014. *Chuma v Moskve v 1770-1772 gg. i sanitarnye mery pravitel'stva i moskovskikh vlastey* [Plague in Moscow in 1770-1772 and Sanitary Actions of the Government and the Moscow Authorities]. *Vestnik RGGU*, no 7 (139), pp. 130-141.

12. TF GATO. F. I. 156. Op. 18. D. 1084. Delo po prosheniyam prihozhan svyashhenno i cerkovnosluzhiteley Tobol'skoy eparhii o dozvolenii pogrebeniy v ogradah tserkvey i monastyrey (1913 g.) [The Case for the Petitions of Parishioners and the Clerics of the Tobolsk Eparchy for the Permission of Burials in the Fences of Churches and Monasteries (1913)].
13. Direkt-Media. 2015. Ustav o nakazaniyah, nalagaemyh mirovymi sudyami. 1864 g. [Charter of Punishments Imposed by Magistrates. 1864]. Moscow–Berlin: Direkt-Media.